

изложить следующим образом: забвение является условием успешного действия, знание же о прошлом парализует любое действие, приводит к пресыщению истории и невозполнимой потере коллективной идентичности, Ф.Р. Анкерсмит расширил понимание функциональной природы забвения. Голландский мыслитель классифицировал четыре типа забвения: 1) забвение истории повседневности; 2) непреднамеренное забвение, предмет и смысл которого возможно раскрыть через психологический сдвиг: увидеть то, что ранее не замечалось, то есть осуществить нечто на подобии психоанализа по отношению к историческому опыту и исторической памяти; 3) преднамеренное забвение прошлого, память о котором слишком болезненна; оно действует как вытеснение и при этом парадоксально, так как одновременно происходит как забвение, так и сохранение в памяти травматического опыта, потому что невозможно забыть то, что требуется забыть; 4) забвение как отказ от прежнего мира, потерянного навсегда. Такой тип забвения является условием обретения новой идентичности. Если с помощью третьего типа забвения от травмы можно избавиться, хотя бы на время, то четвертый тип забвения сохраняет травму, напоминая о чудовищной и невозполнимой утрате прошлого мира. Травма подобного рода будет с нами всегда как основание нашей новой идентичности: я уже не тот, кем был раньше, и этот новый мир непереносим для меня из-за утраты прежнего бытия. Другими словами, я не есть, но я знаю кем был. Такое забвение-память о травме является началом конституирования новой идентичности и коллективной памяти. Память начинается с забвения, вызванного «болью Прометея». В такой связи забвения и памяти прошлое из объекта «желания быть» трансформируется в объект «желания знать»; именно так рождается история, стремящаяся преодолеть разрыв между бытием и знанием. «Прошлое будет следовать за нами, как ушедшая любовь: отсутствующая, но именно в силу этого всегда так крайне мучительно присутствующая в нас» [1, с. 444].

Таким образом, историческая память – это пространство репрезентации, прерывающееся разрывами-забвениями, травмами как точками отсчета для нового самоописания, в котором «боль Прометея» становится морским узлом, привязывающим нас к прошлому, наделяющим коллективной идентичностью и дарующим право иметь будущее. Другими словами, человека нет без решительного принятия наследия истории как судьбы его народа.

Список использованных источников:

1. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : Издательство «Европа», 2007. – 612 с.

*В.А. Столярчук, студент
БГЭУ, г. Минск
vladstolyarchuk7@gmail.com*

БЕЛАРУСЬ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В контексте анализа темы исторической памяти как духовной основы белорусской гражданственности и государственности определённо стоит отметить тяжёлую историческую судьбу белорусского народа и белорусской земли, которая на протяжении всей своей истории крайне часто была под зависимостью от небелорусских государственных образований. Одним из таких периодов можно назвать промежуток между 1569 и 1795 годами, то есть эпоху существования Речи Посполитой.

Сегодня некоторые белорусские историки склонны романтизировать данный период как эпоху, когда белорусские земли были в составе одного из передовых и наиболее крупных по

территории и численности населения государств Европы, и даже отмечают данное время как эпоху процветания белорусской культуры. Однако такое представление сильно расходится с исторической действительностью.

Речь Посполитая образовалась как государство в 1569 году в результате Люблинской унии. Данное событие являлось результатом многовекового сближения двух государств – Великого Княжества Литовского, в состав которого тогда входили белорусские земли, и Короны Польской, начавшегося ещё в 1385 году с заключения Кревской унии. И соглашение в Крево, и соглашение в Люблине представляют значительный интерес в рамках данной темы, так как показывают всю противоречивость курса на объединение литовской и польской корон, однако коснуться в первую очередь следует именно Люблинской унии.

Крайне тяжёлая внешнеполитическая ситуация в середине XVI века вынудила политическую элиту Великого Княжества обратиться к польским партнёрам за военной поддержкой, однако последние вместо военного союза предложили инкорпорацию – полное включение литовских земель в Королевство Польское. Магнаты ВКЛ протестовали как по своекорыстным причинам, так и из чувства национальной (насколько, конечно, в ту эпоху можно говорить о национальных идеях) гордости, и, в конце концов, покинули переговоры. Однако давление польских магнатов вынудило общего для Литвы и Польши монарха передать значительную часть территорий Великого Княжества в состав Польши, что окончательно ослабило ВКЛ. 1 июля 1569 года послы с литовской стороны были вынуждены подписать акт унии.

Стоит упомянуть крайне известную картину польского художника Яна Матейко, носящую простое название «Люблинская уния», которая блестяще подчёркивает всю противоречивость соглашения: на фоне можно увидеть огромный штандарт с польским орлом и маленький герб «Погоня». Этим подчёркивается неравноправность сторон [1].

Однако какие последствия данное историческое событие имело для белорусских земель?

В первую очередь следует отметить начало долгого и масштабного процесса, известного как полонизация – насаждения польского языка, польской культуры и менталитета на белорусских землях. Особенно сильно данный процесс коснулся политических элит, а именно магнатов и привилегированного сословия – шляхты. Это имело огромное значение для всего дальнейшего развития белорусской национальной идеи: элита Великого Княжества Литовского в составе нового государства приобщалась к польским идеям, разрывала связи с местной культурой и обычаями. Фактическое исключение верхов шляхетского сословия из культурного развития белорусских земель означало потерю большей части образованного населения, которое могло бы продвигать старобелорусский язык и культуру, а сама эта культура фактически ушла «в подполье» – в малограмотные народные массы, инертные и необразованные, что значительно замедлило формирование белорусской нации, однако, безусловно, придало белорусской культуре народность и близость к простому человеку.

Как известно, в Средние Века и в Новое время крайне значительную роль играла религия. Фактически, религиозная принадлежность зачастую являлась государствообразующим фактором. В качестве примера следует привести восточного соседа – Российское Государство расширило своё влияние на крайне далёкие от славянской культуры земли Сибири и Дальнего Востока во многом благодаря православной вере и русскому языку, которые послужили цементирующей основой интеграции новых земель [2].

Именно поэтому следует также рассмотреть очередной пример польской экспансии в рамках Речи Посполитой – Брестскую унию, объединившую польский католицизм и православную веру белорусов.

Диссидентский вопрос, то есть вопрос веры, всегда имел крайне острое значение в Великом Княжестве Литовском, так как оно исторически объединяло православных, католиков и язычников. Несмотря на религиозную терпимость, присущую белорусскому народу, данная ситуация часто становилась причиной конфликтов. Решить данную проблему и была призвана

Берестейская церковная уния 1596 года [3], фактически же являющаяся очередной попыткой окончательной интеграции и растворения белорусских земель в Короне Польской, а также экспансией Ватикана и Римского Папы. В связи с этим данная уния вызвала отторжение у многих православных белорусов, а состоявшийся в Бресте собор православного духовенства во главе с патриаршим экзархом Никифором даже предал анафеме униатов. Один из инициаторов данной протестной акции, князь Константин Острожский, заявлял, обращаясь к королю Сигизмунду III: «На веру православную наступаешь, на права наше, ломаешь вольности наше, и наконец на сумненье наше налегаешь: чим присягу свою ломаешь, и то што-кольвек еси для меня учинил, в нивошто остатнею ласкою своею оборочаешь» [4, с. 219]

Несмотря на то, что униатство несколько притупило религиозную напряжённость, оно так и не было полностью принято белорусами, а после окончания существования Речи Посполитой оно и вовсе было упразднено в рамках Полоцкого церковного собора 1839 года [5].

Всё вышесказанное довольно чётко иллюстрирует польский империализм на протяжении исторического сосуществования польского и белорусского народов, и подчинённые народы, в том числе белорусы и украинцы, часто протестовали против польского владычества [6]. Так можно упомянуть восстание Богдана Хмельницкого 1648–1651 годов, бунты в Могилёве 1606–1610 годов и протесты против Берестейской унии, вылившиеся в убийство униатского епископа Иосафата Кунцевича. Впрочем, стоит отметить, что данные мятежи были обусловлены не столько национальными, сколько социально-экономическими причинами. Магнатские семьи и шляхта, преимущественно польского происхождения, держали белорусское крестьянство и мещанство в довольно тяжёлых условиях. Так, например, польский гуманист Анджей Моджаевский писал: «Ни один тиран не имеет большей силы над жизнью и смертью простых людей, чем та сила, которую дают шляхтичам законы. Шляхтичи бесчинствуют, убивают горожан и крестьян, относятся до них, как до собак» [7, с. 50].

Таким образом, период Речи Посполитой во многом довольно негативно повлиял на развитие белорусской культуры и национальной идентичности и замедлил становление обособленного белорусского народа. Он включал в себя бесконечные попытки польской знати расширить своё влияние на восток. Лишь разделы данного государства, завершившие его историю в 1795 году, предотвратили растворение формирующейся белорусской нации в польской империи, и последующее вхождение белорусских земель в состав Российской Империи очертило новую эпоху, однако наследие Речи Посполитой даёт знать о себе и до сих пор.

Положение Беларуси и белорусской культуры в составе Речи Посполитой можно, например, соотнести с современным положением белорусской культуры и языка. Многие белорусы вместо своих народных обычаев перенимают широко распространённые в кино, в телепередачах и в массовой культуре в целом западные концепции, предпочитают зарубежную классику белорусским произведениям. А в текущей внешнеполитической и экономической ситуации, в которой находится Республика Беларусь, можно выделить разрушительные тенденции так называемой «утечки мозгов»: молодёжь покидает Беларусь и уезжает на Запад в поисках лучшей жизни, и, прямо как во времена Речи Посполитой, учит польский язык и приобщается к польской культуре, получает так называемые «карты поляка», ведь именно западный сосед является мостом на Запад так же, как являлся форпостом католицизма и западноевропейской культуры четыре века назад.

Оглядываясь на тернистую историю белорусов, с уверенностью можно сказать, что именно патриотизм, укрепление национальной культуры и самосознания и твёрдость в отстаивании своих прав на международной арене могут спасти нашу республику от иноземного владычества и очертить Беларуси её место на планете Земля.

Список использованных источников:

1. Люблинская уния [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://fon-eichwald.livejournal.com/99987.html>. – Дата доступа : 20.04.2023
2. Осипов, С.К. Влияние религиозного фактора на формирование политических институтов и политической культуры России / С.К. Осипов // Теодицея. – 2010. – № 1. – С. 74–79.
3. Брестская церковная уния 1596 года объединила католическую и православную церковь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mediabrest.by/facts/brestskaya-tserkovnaya-uniya-1596-goda-obedinila-katolicheskuyu-i-pravoslavnyu-tserkov>. – Дата доступа : 20.04.2023
4. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1851. – Т. 4. – 577 с.
5. Полоцкий Собор 1839 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://oroik.by/polockij-sobor-1839-goda/>. – Дата доступа : 20.04.2023
6. Криштапович, Л.Е. Белорусский путь – вместе с Россией / Л.Е. Криштапович // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – № 11–3. – С. 639–651.
7. Абэцэдарскі, Л.С. У святле неабвержаных фактаў / Л.С. Абэцэдарскі. – Минск : Голас Радзімы, 1969. – 111 с.

*Е.А. Тушкова, студент
БГЭУ, г. Минск
Mariusanis2@gmail.com*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Возникновение необходимости пересмотра своей истории и поиска общего взгляда на прошлое своей страны возникает в государствах, которые переживают радикальные изменения в своем экономическом, социальном, культурном и политическом развитии. К ним относятся новые независимые государства в Восточной и Центральной Европе (в том числе Беларусь), где распад советского понимания истории создал запрос на переосмысление и переформулирование национального исторического нарратива, нахождение объединяющих способов осознания истории государства и нации. Политику памяти как направление государственной политики можно определить, как целенаправленную деятельность государства по формированию официальной версии национальной истории и распространению и утверждению ее в обществе как доминирующей с учетом механизмов обратной связи.

Разумеется, единое понимание прошлого может формироваться различными путями. Сюда можно отнести устную память, передаваемую в рамках семьи из поколения в поколение, или коммуникативную память различных социальных групп. Однако при конструировании исторической памяти о прошлом государства и его жителей главная роль остается за официальными институтами – образовательной системой, мероприятиями историко-пропагандистского характера, наименованиями топонимов, СМИ, символической политикой, музеями и архивами и т. д. Неудивительно что дискурс об исторической памяти чаще всего политизирован, он определяется конфигурацией существующих интересов различных акторов политического процесса. Следовательно, изменение курса государственной политики приводит к